

Мария
Зайцева

НАЗВАННЫЕ БРАТЯ

Стенная Луна
Белоголовых

Мария Зайцева
Степная луна белоголовых
Серия «Названные братья», книга 3

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946417

Аннотация

Она – дочь убитого генерала, вынужденная скрываться от недругов. Они – сыновья тагана Степи, наследники, будущие таганы, правители.

Между ними пропасть. Разные боги, разные миры, разное будущее.

Но это все за гранью, за пределами настоящего.

А в настоящем есть только трое: испуганная девушка, нуждающаяся в защите. И они, ее защитники.

Раст и Янг Белоголовые и их Степная Луна.

Содержание

Пролог	4
1	14
2	20
3	26
4	34
5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мария Зайцева

Степная Луна Белоголовых

Пролог

– Эй, красавица, еще две кружки пива! И отхлебни пенку!
Тебе пенка, мне пиво!

– Где мой окорок? Сколько ждать?

– А я вот так! А еще вот так! Че, сожрал? Сожрал? Мои монеты гони!

– Отдавай мою долю, свинота! Или я тебя прямо тут на ремни порежу!

– Ох, какая женщина... Мечта... Иди ко мне на коленки...
Вечерком в комнату мою придешь? Сколько?

– Ирри, он тебе докучает?

– Эй, приятель, я просто спросил... Ай! Ну зачем сразу об стол??? Я все понял, понял я!

Ирри кивком поблагодарила здорового Дождика, вышибалу самых устрашающих размеров и нрава, прозванного так, потому что нашли его двадцать лет назад на крыльце этой таверны... Прямо под начинающимся ласковым дождиком лежал и смеялся, ловя ручками капли.

С тех пор прошло много лет, маленький Дождик вырос, из милого пухляша превратившись в жестокого и серьезного

зверя, а имя осталось...

Дождик прижился в таверне и, судя по настрою, уходить вообще не планировал, наверняка считая, что за пределами таверны нет ничего стоящего.

В принципе, похоже, так оно и было.

Ирри в последнее время склонялась к такому же мнению.

Проследив, чтоб обиженный Дождиком приставала оплатил свое пиво, она двинулась дальше, ловко лавируя между столами, уворачиваясь от лап разномастных мужиков, периодически норовящих хватануть ее за задницу.

Обычно их было не особенно много, Дождик умел наводить порядок и насаждать правильное поведение на вверенной ему территории, но в последнюю неделю, из-за наводнивших город солдат, ситуация стремительно менялась.

Таверна, которой владела Ирри, была на хорошем месте и на хорошем счету. Здесь не разбавляли пиво и запекали лучший в городе окорок. И цены тоже были лучшие.

Потому нечего удивляться, что тут всегда было полно народу.

Солдаты и даже кое-кто из офицеров, разведав хорошее место, таскались сюда чаще, чем на плац, и далеко не всегда за пивом и окороком.

Аппетитная хозяйка таверны тоже привлекала посетителей, словно мед мух.

И в любое другое время Ирри была бы рада такому наплыву, потому что народ – это деньги, а деньги – это свобода...

Но сегодня что-то тревожило ее, беспокоило. В груди с самого утра поселилось стойкое ощущение надвигающегося хаоса, чего-то ужасного, того, что оборвет ее спокойное и сытое существование в этом городе и заставит в очередной раз поменять жизнь. Не по своей воле.

Ирри привыкла доверять ощущениям, они никогда не подводили.

В последний раз такое было как раз перед тем, как ее отца, генерала Герина Саввона, героя войны, орденосца и прочее, прочее, прочее... Повесили. По ложному обвинению в предательстве императора и шпионаже в пользу Нордарии. Расследование было проведено молниеносно, большая часть офицеров гарнизона с неприкрытой радостью поддержала его итоги... И орденосного генерала повесили, как обычного изменщика, на площади, перед толпой народа. И никакие прошлые заслуги не помогли.

Ирри сморгнула непрошенные слезы, потому что слишком явно перед глазами эта сцена встала.

Хорошо, что младшая сестренка ее, Рути, Рутгерда Саввон, не видела казни отца. Она бы точно что-то сотворила, бешеная, невыдержанная, дерзкая.

Но Рути как раз была в отъезде по своим таинственным делам, о которых не знал никто, кроме, пожалуй, ее наставника и самого генерала Саввона, без одобрения которого подобное наставничество было бы невозможным...

И Иргерда, никогда не одобрявшая тайных занятий своей

сестры, в этот раз была несказанно рада, что все случилось в ее отсутствие.

И казнь отца, и внезапный удар, случившийся с мамой...

– Ирри, он тебя расстроил? – грубый голос Дождика спугнул нахлынувшие воспоминания, Ирри моргнула, приходя в себя, благодарно улыбнулась парню, помотала головой.

– Все в порядке, Дождик, не волнуйся... Просто как-то беспокойно мне сегодня...

– А чего так? – охранник оглянулся с недоумением, – вроде, нормально все... Солдатики спокойные... А кто беспокойный, успокоим...

– Не знаю... Приглядывай за незнакомыми, ладно?

– Не переживай. Все присмотрю. А ты иди посиди... Марушка справится сама.

Ирри не сомневалась, что шустрая Марушка со всем справится, но оставлять зал без внимания не хотела.

И почему-то все время посматривала на входную дверь... Словно ожидая чего-то... Кого-то...

Потом ее отвлекли опять офицеры из полка личной гвардии императора, прибывшие недавно совсем наводить порядок и разбираться с порядком обнаглевшим градоначальником. По итогу разбирательств градоначальник уехал в клетке в столицу, на личную аудиенцию к императору, которому страшно интересно было узнать про некоторые детали дружбы главных лиц города и главарей многочисленных банд разбойников, расплодившихся по округе просто в невероятных

количествах.

Порядок в городе был наведен в рекордные сроки, все же, в личной гвардии императора мух ловили исправно, но полк с места пока не двигался. Хотя, насколько могла понять Ирри из разговоров офицеров, в ближайших планах передислокация имелась.

Для Ирри это было хорошо, хоть приток посетителей постоянно увеличивался, но и нервов тоже много выматывалось, все же, новички не были знакомы с характером самой Иргерды, к которому за этот неполный год успели привыкнуть местные обыватели, ни с пудовыми кулаками вредного Дождика.

Потому постоянно возникали ссоры и даже драки, особенно, когда Ирри сама выходила в зал. Как сегодня, например.

– Милая хозяйюшка, – один из офицеров, с нежным, тщательно лелеемым пушком над верхней губой и длинными, словно у девушки, ресницами, кивком подозвал ее к себе, – присядь с нами, составь компанию...

Он пыжился, смотрел то ласково, то волнуяще, прикусывал губу и пытался дотронуться до ее руки, короче говоря, старательно использовал весь свой небогатый арсенал соблазнения. И, если б Ирри выросла в монастыре, а не в гарнизоне, среди офицеров отца, то, вполне возможно, впечатлилась бы...

А сейчас она лишь взмахнула ресницами, поощряя невинный флирт, улыбнулась, присела за офицерский стол, пре-

красно зная, что господ не стоит злить. Это не солдаты, которым Дождик без лишних растанцовок чистил пьяные физиономии. Это – аристократы. Или те, кто себя считал таковыми. Тут сплошной гонор и свои понятия о чести...

Иногда Ирри представляла, что бы они сказали, эти надувающиеся от важности и чувства собственной значимости мужчины, если б узнали, чья она дочь? Изменилось бы их отношение к ней?

– Устала?

Ох, ты ж, заботушка ты мой...

Ирри, поморщившись едва заметно, только улыбнулась, вздохнула печально:

– Непростой день был, господа...

– Так выпей с нами, расслабься, – тут же предложил другой офицер, с темным узким лицом и хищным выражением глаз. Ирри на что угодно могла поспорить, что он ее уже раздел в голове своей и поймел несколькими способами, уж очень взгляд у него был масляным и настойчивым.

– Спасибо, мне нельзя... – отказалась она, – работы много...

– Подождет работа, – жестко сказал третий из офицеров, крупноголовый блондин с вечно красными щеками, – мы завтра покидаем вам гостеприимный город... Скрась наш последний вечер здесь...

И Ирри, по очереди посмотрев в глаза каждого офицера, поняла, что вот оно, то самое плохое, о чем кричало внут-

реннее чутье весь день.

Офицеры были уже порядочно пьяными, смотрели внимательно, и, судя по ухваткам, отпускать ее не собирались.

Всю эту неделю, что полк стоял в городе, они периодически пытались ее склонить к оказанию более, глубоких, скажем так, услуг... Помимо основных. И всякий раз Ирри удавалось мастерски ускользнуть.

Или ей просто давали это сделать.

Но завтра полк уходит, а, значит, сегодня ночь веселья...

Ирри попыталась резко встать из-за стола, но неожиданно жесткая рука брюнета удержала ее.

– Ну куда же ты, хозяйюшка? Не нравится наше общество?

– Нет, просто у меня на кухне дела, прошу прощения, господа офицеры... Я к вам потом подойду...

Ирри все еще надеялась выбраться из ловушки, в которую так неосмотрительно попала, строила из себя непонимающую курицу, попутно выглядывая Дождика, и в то же время понимая, что он тут ничем не поможет. Это не разгулявшаяся солдатня, это артистократы, мать их!

И для них она сейчас – просто лакомый кусок мяса!

Ирри, все же, еще слишком мало времени пробыла в роли трактирщицы и слишком много в роли дочери орденосного генерала, потому и угодила в ловушку. С ней, в другой ее жизни, офицеры не смели даже пошутить пошло, и уж тем более, за руки не хватили и в уголок не волокли, как какую-нибудь трактирную девку... А сейчас она для них и

есть та самая трактирная девка. И не важно, что она – владелица заведения! Все равно по положению настолько ниже их стоит, что даже спрашивать согласия не обязательно. Рада должна быть, что ее удостоили вниманием...

– Разберутся на кухне без тебя, хозяйюшка, – ласково сказал блондин, и щеки его заалели еще сильнее дурным возбуждением, – а ты с нами разберешься... С тремя. У тебя же здесь комнаты есть? Для гостей?

– Я... Не понимаю, господа... – Ирри, ощутив холодный пот, стекающий по спине, выпрямилась, облизнула губы и попыталась выкрутиться, – что вы?.. Я не могу... Я – вдова... И ношу траур по безвременно погибшему мужу...

– Одно другому не помешает, – решительно сказал блондин, а мальчик с пушистыми ресницами только восторженно поддакнул, явно настраиваясь на развлечение.

Ирри беспомощно оглянулась, понимая, что попала окончательно. Что даже крикнуть не сможет. Смысла в этом не было никакого. В таверне сидели сплошь солдаты, подчиняющиеся этим трем офицерам. Они ей не защитники... И Дождик один против всех не выдюжит...

И уговаривать явно давным давно уже успокоивших и умертвивших даже свою совесть офицеров сжалиться и не трогать ее – бесполезно...

Мужчины поднялись, блондин дернул ее за локоть вверх, заставив охнуть от боли и неожиданности.

Ирри на инстинктах попыталась выкрутить руку, стало

еще больнее...

И в этот момент двери таверны распахнулись, впуская новых гостей.

Высоченных, широкоплечих, занявших своими мощными фигурами весь дверной проем, совершенно одинаковых на лица, различающихся только рисунком татуировок у висков и косами, у одного заплетенными ближе к макушке и убранными в высокий хвост, а у другого вольно лежащими на плечах.

Степняки, варвары, редкие гости здесь, в западном округе...

Гомон в таверне мгновенно стих, все словно по команде развернулись и принялись рассматривать новых гостей. А те, вообще не смущаясь из-за слишком внимательных взглядов, молча осматривали зал, солдат за столами, Марушку у стойки, Дождика у внутренней двери... И тормозя на офицерском столике. А конкретно, на Ирри, в этот момент как раз судорожно пытающейся вырвать руку из железной хватки блондинистого офицера.

Степняки, мгновенно оценив позу Ирри, ее искаженное от боли лицо, пальцы мужчины на белой коже предплечья, одинаково нахмурились и, не удаивая больше никого вниманием, синхронно двинулись к цели.

К Ирри.

И она, перестав вырываться и глядя, как приближаются близнецы, как бешено и страшно горят их глаза и сжимают-

ся гневно губы, обреченно подумала, что неправильно она оценила главную опасность сегодняшнего вечера.

Не офицеры были причиной тревоги ее внутреннего чутья.

А они, два несносных степняка, уже в который раз вставших на ее пути...

1

– Это еще что за дика... – недуменно успел булькнуть офицерик с пушистыми ресницами и, собственно, этими ресницами еще и взмахнуть в дополнение к словам.

И на этом все.

Дальше он уже ничего не мог, потому что у одного из дикарей оказался на редкость крепкий кулак, а у офицера – на редкость хрупкая челюсть.

Ирри, которую отпустили в тот самый момент, когда один из близнецов возник рядом с офицерским столом и молча ткнул кулаком в физиономию ближайшего к нему мужчины, торопливо отступила в сторону, чтоб не задело, и посмотрела на безмолвно свалившегося кулем прямо к ее ногам офицера. Челюсть у него была свернула на бок, глаза закатились.

Подумав мельком, что улыбка у мужинки теперь вряд ли будет покорять сердца провинциальных дам, Ирри подобрала юбки и метнулась в сторону Дождика, грозной горой уже направлявшегося к месту событий.

За ее спиной раздавался затейливый удивленный мат офицеров, грохот столов и стульев, сдержанное гневное рычание степняков.

Эта какофония привлекла внимание солдатни, заполонившей трактир, и Ирри поняла, что всеобщей драки не из-

бежать.

Мысль, в какую сумму обойдется ей ущерб от разгула подвыпивших мужиков, заставила вынырнуть из бездны удивления и легкой оторопи, которую всегда, с самой первой их встречи, наводили на нее близнецы-степняки, и соображать быстрее.

– Дождик! – крикнула она издалека, махнула рукой, привлекая на себя внимание охранника, уже вполне целеустремленно движущегося к источнику возможных проблем, – не лезь! Сами разберутся! Солдатами займись!

Дождик затормозил на полном ходу, посмотрел в угол, за спину Ирри и, явно согласившись с мнением хозяйки таверны, что там сами разберутся, развернулся к остальным посетителям, уже начавшим спешно группироваться для выручки своих офицеров.

Правда, группировка эта проходила вяловато, словно нехотя, что лишний раз свидетельствовало о том, насколько сильно и искренне любят солдаты свое армейское начальство.

– Заведение закрывается, – громко прогудел Дождик, перекрывая разом все выкрики, что из угла, где офицерам приходилось туго, что из зала. Он поймал взгляд Ирри, вопросительно мотнул подбородком на барную стойку, она кивнула.

И Дождик продолжил:

– Вся неоплаченная выпивка в счет заведения! За доставленное неудобство. Выметайтесь отсюда.

И стоял все то время в дверях, пока обрадованные бесплатным угощением солдаты выходили из трактира, закрывая обзор на угол, где уже было тихо.

Как в мертвецкой.

Ирри тоже избегала туда смотреть, взволнованно провожая взглядом последних посетителей и пытаясь успокоить заходившееся диким стуком сердце.

Все произошло настолько быстро, что она только сейчас начала в полной мере осознавать, чего удалось избежать.

И понимать, чего не удалось...

Дождик, тяжело, по-слоновьи топая, пошел ближе к двери, чтоб опустить засов. И Ирри почему-то наблюдала за ним, вместо того, чтоб обернуться.

Для этого действия надо было набраться мужества, потому что посмотреть-то будет мало. Надо же как-то реагировать... Спасать господ офицеров от степняков...

Мысли о том, что возможно, все произошло наоборот, и победу одержали военные, даже не появлялось. Те два раза, что Матушка за какие-то грехи сталкивала Ирри с близнецами, очень четко показали, что уж кто-кто, а эти степные варвары в помощи не нуждались, не нуждаются и вряд ли когда-либо будут нуждаться... В отличие от окружающих, если те вдруг чем-то этим варварам не угодили...

В итоге Ирри, малодушно оттягивая момент истины, когда надо будет опять что-то решать, получила ответ от Матушки: тяжелую ладонь, совершенно спокойно, по-хозяйски,

улегшуюся ей на плечо, и хрипловатый от волнения и переизбытка еще не отгулявшей до конца боевой ярости в крови голос на ухо:

– Луна... Мы за тобой...

Вот оно... Вот оно – дурное предчувствие, так мучавшее с утра!

Ирри сжала губы, набираясь сил и одновременно терпения, потому что по опыту уже знала, очень ей эти два момента пригодятся сейчас.

И резко дернула плечом, скидывая нахальную сверх меры лапу:

– Руки убрал!

Да, грубо, и, наверно, недостойно дочери генерала... Но, с другой стороны, сейчас она – трактирщица, да и опыт, сын ошибок трудный...

Варвары не понимали тонкостей языка, холодного игнорирования докучливых кавалеров и всех прочих игр, которые так хорошо освоила Ирри, едва войдя в возраст длинных юбок.

С ними нельзя было молчать, показывать лицом свое недовольство, пытаться воззвать к благородству... Это Ирри усвоила с первой же их встречи. Накрепко.

И потому теперь только четкость и грубость. Иначе на плечо забросят и уволокут... Куда-нибудь.

– Луна-а-а-а... – еще один голос, чуть-чуть ниже, чуть-чуть возбужденней, ударил в спину теплой волной нескры-

ваемой похоти.

И Ирри поежилась, привычно пытаясь удержать мурашки, рассыпающиеся по коже. Почему она именно так реагировала на их голоса, их взгляды и их прикосновения, давно уже запретила себе думать. Прямо вот с первой встречи. С первого раза.

– Ирри, это кто? Выкинуть их? – Дождик, наконец, обернулся и теперь внимательно изучал братьев, стоящих за ее спиной, и судя по сощурившимся, ставшим острыми глазам, признавал в них серьезных хищников.

– Луна... – тут же хрипнул сзади один из близнецов и, судя по теплому дыханию на шее, подошел на совершенно неприличное расстояние, – это что за тролль?

– Я не тролль! – обиделся Дождик, – я человек!

– Ну да... – засмеялись за спиной, – а мы с братом – девчонки...

– Все может быть... – еще сильнее сощурился Дождик, явно нарываясь.

И гробовое молчание за спиной Ирри показало, что нарваться ее охраннику удалось.

Требовалось что-то предпринять, и Ирри, собравшись с духом, резко развернулась.

И тут же покраснела до кончиков ушей, потому что близнецы, явно не ожидавшие ее маневра, не успели убрать из взглядов дикую, звериную практически похоть...

А, может, и не собирались ничего убирать.

Варвары же...

2

– Так, – решила вмешаться Ирри в меряние бицепсами, длиной рук и иных частей тела, которыми так любят хвалиться мужчины, – Дождик, посмотри, что на кухне. Марушка давно туда ушла, и, если опять с Ворчуном... заболталась...

– Понял, – кивнул солидно Дождик, – разгону. А эти... – тут он пристально посмотрел опять за спину Ирри, и физиономия его приобрела на редкость угрожающее выражение, – твои знакомые, что ли?

– Вроде того... – вынуждена была согласиться Ирри, – знакомые...

– Ну тогда ладно... С офицерами пусть подмогнут. Сама не таскай и близко не подходи к ним...

– Без твоих советов разберемся, тролль! – вмешался один из степняков, Ирри закатила глаза, Дождик еще сильнее нахмурился, но Ирри выразительно дернула бровями в сторону кухни, куда действительно что-то слишком уж надолго ушла Марушка, и охранник, бросив на близнецов самый корово-жадный из своих взглядов, после небольшого промедления все же развернулся и тяжело потопал к дверям во внутреннее помещение.

– И чего он спорит? – раздался недоумевающий голос одного из близнецов, – тролль и есть...

– На Карса похож... – подтвердил второй, и в этот момент

от перевернутого стола, рядом с которым валялись поверженные офицеры, раздался полный боли стон.

Ирри развернулась, и, игнорируя настойчивые жадные взгляды слишком близко к ней стоящих близнецов, сделала шаг в сторону лежащих военных.

Правда, дальше этого шага ее никто не пустил, близнецы, даже не переглядываясь, сдвинулись, встав перед ней и закрыв массивными фигурами свет от магических рожков.

Ирри замерла, невольно рассматривая широченные плечи и мощные шеи степняков, увитые варварскими татуировками, выше взгляд поднять было неловко, да и страшновато, и попыталась, поднявшись на цыпочки, осмотреть валяющихся офицеров хотя бы издалека.

– Тебе твой тролль сказал не лезть, – пробурчал один из близнецов, – вот и не лезь.

– Мы их сами сейчас отсюда выкинем, – добавил второй.

– Да вы с ума сошли, – вздохнула Ирри, – куда вы их выкинете? На улицу? Умирать? Вы что вообще с ними сотворили? Вдруг, кого-то насмерть пришибли?

Степняки переглянулись и усмехнулись одинаково высокомерно, а Ирри, все же вынужденная смотреть им в лица, смутилась и разозлилась от этих ленивых, выражающих снисхождение и такую истинно мужскую, раздражающую до безумия, непрошибаемую уверенность в себе и своих силах.

– Мы же не звери, Луна, – сказал правый близнец, – мы умеем бить... Правильно...

Последнее слово он договаривал уже, практически, ей в макушку, тяжело дыша и шевеля этим дыханием волосы, уложенные в простую высокую прическу.

Когда он успел сделать движение, незаметный шаг в ее сторону, Ирри так и не смогла распознать. И точно такое же движение второго близнеца – тоже.

Он каким-то образом скользнул чуть в сторону, возникшая за ее спиной и тоже тяжело дыша, склонившись ниже, чем его брат, потому мурашки от его выдоха собирались на шее... И волоски по коже дыбом вставали... И вообще... Это так неприлично... Хотя, можно подумать, что до этого они с ней приличные вещи делали...

Ирри призвала все свое мужество и хладнокровие, приказала себе вспомнить, что она только в настоящем трактирщица, а в прошлом – генеральская дочь, и, подняв взгляд на того из близнецов, что стоял прямо напротив, жестко командовала:

– Развернулись и вышли отсюда. И, пока не позову, чтоб не появлялись.

Степняки отреагировали на это заявление одинаково недоумевающими хмычками и сжатием массивных челюстей. Ирри поняла, что, если не проявит твердость, то ее прямо сейчас уволочут в темный уголочек, которыми, как назло, была богата таверна, и примутся наказывать.

И, хоть при одной мысли об этом, все внутри становилось горячо и прямо-таки неприлично мокро, но Ирри не первый

и не второй десяток лет жила на этом свете. И давно уже научилась не зависеть от желаний сердца и тела.

А потому только брови сдвинула сурово и ответила на настойчивый взгляд мужчины не менее настойчивым. И повелительным.

– Мы не выйдем, Луна, и не проси, – тихо сказал близнец, стоящий позади, – но мы можем просто сесть... Вот тут... Мы не будем мешать. Просто присмотрим... Нам не понравились эти люди. Они тебя обижали...

– И поэтому вы их покалечили!

– Никто не смеет обижать нашу Луну, – наставительно ответил первый близнец.

И с места они при этом не сдвинулись, продолжая сжимать ее между собой горячими телами, так знакомо, так волнующе... Так неправильно, но сладко...

Ирри вздохнула, понимая, что надо идти на уступки.

Потому что или так, или вообще никак...

В конце концов, она не была уверена, что Дождик против них выстоит. Офицеров-то разбросали за пару мгновений...

– Хорошо. Вот тут сядьте. И не мешайте.

Проследив, чтоб близнецы покладисто устроились за дальним столом, она развернулась к месту побоища, оглядела диспозицию и тяжело вздохнула...

– Дождик, чтоб тебя! – рявкнула она злобно, – ты там третьим, что ли, пристроился?

В кухне, словно в ответ на ее раздражение, что-то грох-

нуло, бухнуло, а затем дверь открылась, и первой вылетела встрепанная Марушка, с красными, уже начинающими отливать синевой пятнами от засосов на шее. Судя по всему, повар с очень говорящим прозвищем Ворчун отвлекся от готовки на более приятные вещи настолько, что проморгал и побоище, и опустение таверны. И Марушка вместе с ним.

Подавальщица застыла на месте, удивленно тараща глаза на пустую таверну, молчаливых близнецов и стонущих на разные лады офицеров. За ней возвышался молчаливой, крайне раздраженной горой Дождик.

– Что стоишь? – сурово прикрикнула на девушку Ирри, – тащи лекарский мешок!

Марушка пискнула и унеслась на второй этаж, подхватив юбки.

Один из близнецов неодобрительно поморщился:

– Не стоит их лечить, Луна... Они получили по заслугам...

– Еще слово, и по заслугам получите вы! – пригрозила им злая Ирри, прикидывая, кого из офицеров приводить в чувство первым, и как успокаивать потом. И что обещать, чтоб ход делу не был дан.

Все же, нападение на военного, имперского военного... Это серьезно.

Понятное дело, что то, что планировали сделать эти военные с ней, беззащитной женщиной, вообще их никак не красило, но, к сожалению Ирри, и не оправдывало... Она от-

четливо понимала, что, стоит офицерам прийти в себя и добраться до штаба, ее таверну попросут сруют. Или сожгут...

Сейчас Ирри, противоестественно, больше всего злилась на близнецов, всегда приносивших ей одни проблемы и заботы.

И не имело значения, что они в этот раз защищали ее...

Теперь, когда выдохнула и взглянула на ситуацию со стороны, Ирри казалось, что она бы сумела уговорить господ офицеров не терять своей офицерской чести... Выкрутилась бы как-нибудь, не впервой же... И без таких фатальных последствий.

А близнецы явились и все разрушили. Опять.

3

Чуть меньше года назад Ирри вообще не думала даже, что когда-нибудь будет бегать между столами, уворачиваясь от лап пьяной солдатни. И скажи ей кто, что скоро из дочери генерала Саввона она превратится в трактирщицу, это вызвало бы лишь недоумение, холодное и презрительное, потому что Ирри умела вот так, холодно и презрительно.

Теперь по вечерам, поднимая в постели повыше гудящие после целого дня беготни ноги, она с недоумением и смехом вспоминала, что совсем недавно все ее тревоги, мысли и желания заключались в невероятно глупых вещах: красивое платье, туфельки, которые с оказией привезли с юга длиннобородые торговцы, да всего лишь в одном размере, и как назло, не ее размер! Но Ирри все равно уговорила матушку забрать их и заставила потом служанку разношивать... А еще она много думала о будущей свадьбе с Ричем Верейттом, отцовским адъютантом, очень высоким, статным и таким красивым, словно его Матушка в лоб поцеловала!

Он ухаживал, так трогательно, так аккуратно, так внимателен был, уважителен к ней. И Ирри таяла, млела, не обращая внимания на показательно фыркавшую Рути, на слова младшей сестренки, что этот Верейт какой-то приторможенный, словно рыба мороженая, а в глазах у него гадость...

Нет, конечно, Ирри не была дурочкой и простушкой, с

первого взгляда влюбившейся в того, кто проявил достаточно внимания.

Не водилось дурусти за дочерьми генерала Саввона, одного из заслуженных генералов-героев войны с Югом, человека, в близких друзьях которого ходил сам Четтер Корнель, глава Тайной канцелярии империи...

Но все равно, так приятно было, когда красивый мужчина смотрел на нее так, словно никого прекрасней не видел никогда... И ухаживал... Розы каждое утро, поездки в открытых экипажах и верхом, ненавязчивые приглашения в будущем посетить его дом в столице... Ну и что, что дом этот был родительский? Все равно же его!

Рич Верейт был одним из тех, кто свидетельствовал против генерала Саввона, своего покровителя, человека, из всех сил продвигавшего его по армейской карьерной лестнице.

И Ирри не могла теперь даже ностальгически светло его вспоминать, так же, как и его ухаживания...

И думала, что сестра ее, при всей своей грубости и ветрености, оказалась куда более прозорливой, чем сама Ирри, опытная, как ей казалось, девушка. Женщина, благодаря все тому же Верейту...

Ну а что? Они – жених и невеста же... Почему нет? Ждать свадьбы – это такие предрассудки... И в столице уже над этими провинциальными нравами лишь смеются...

Ирри не хотела быть провинциальной простушкой, она

видела себя хозяйкой большого дома в столице, законодательницей модных салонов... Мечты свои она, естественно, никому не озучивала, потому что мама бы не поняла, подружки только поддакнули и позавидовали, а сестра... Ох, она бы посмеялась! Подразнила ее! Рути, к своим семнадцати уже ставшая одной из «котят» Корнеля, к неудовольствию генерала, поставленного перед фактом и вынужденного все же благословить на тяжкий труд на благо отечества, была куда циничней старшей сестры. Может, потому что уже моталась по стране, выполняя распоряжения главы Тайной канцелярии, и много чего видела?

Сама Ирри подобной судьбе и свободе не завидовала, с детства любя платья, туфельки, кулинарию, короче говоря, все, что должна любить правильная девушка из хорошей семьи. Мама не могла нарадоваться, глядя на нее...

Ох, мама, мама...

Эти воспоминания Ирри старательно прятала, даже от себя, не желая по ночам заливаться слезами от одиночества и своего внезапного сиротства.

Унывать было нельзя, это забирало силы, убивало желание жить.

А его, как оказалось, в Ирри было очень много...

Иначе где бы она была, измученная, напуганная, обескураженная таким диким поворотом в своей судьбе? Кем бы она была?

После казни и спешных похорон матушки, она вернулась

в родной дом, полностью опустевший. Все слуги разбежались, и по голым комнатам гулял ветер.

Ирри оглядела пространство мертвыми глазами, словно во сне, поднялась наверх, к себе... И без сил повалилась на кровать.

Слез не было, она смотрела в потолок, вообще ни о чем не думая, оглушенная, раздавленная... И, кажется, заснула вот так, не раздеваясь.

А проснулась от того, что ее трогали.

Грубо мяли грудь прямо через траурное платье, дышали тяжело в шею...

Она распахнула ресницы, одновременно сильно толкая ногами и руками навалившегося на нее насильника.

Тот в дикой руганью и грохотом свалился рядом с кроватью, и Ирри узнала по голосу своего жениха, бывшего жениха, бывшего любовника, Верейта.

В комнате царил полумрак, похоже, она проспала весь день.

Верейт поднялся с пола и, шипя сквозь зубы ругательства, снова полез к ней. От него разило спиртным, и Ирри с омерзением оттолкнула его еще раз.

Верейт упал, снова поднялся и с обидой спросил:

– Чего толкаешься?

– Пошел вон, – сдерживаясь, чтоб не обложить его самой грязной руганью, которую знала, а знала Ирри немало, все же рядом с казармами выросла, а не в монастыре, приказала

она.

– Дура ты, – скривился Верейт, отряхиваясь немного неуверенными движениями и глядя на нее.

В полумраке лицо его казалось жутким, и Ирри испугалась еще больше. Отползла подальше, к изголовью кровати, поджала под юбку босые ступни, поймав замерший на них жадный взгляд Верейта.

– Сюда иди, – приказал он, и Ирри пробило дрожью от жутко холодного тона его голоса.

После своего предательства, а появление в зале суда Ирри никак по-другому и не могла назвать, они не встречались.

Ирри, после казни, состоявшейся сразу после скорого суда, в тот же день буквально, была занята похоронами мамы. На переживания по поводу предательства жениха у нее сил уже не было.

Она ощущала себя такой же мертвой, как и мама, и только тихонько благодарила Матушку, что Рути не было в городе. И очень сильно надеялась, что у сестры хватит мозгов не появляться здесь. Ходили упорные слухи, что дочери генерала тоже причастны к измене, и был вероятным и арест самой Ирри... Ей было на это плевать, оупение, возникшее в момент похорон, полностью поглотило все чувства и эмоции.

Все вернулось в тот момент, когда она смотрела на своего бывшего жениха, пьяного, довольно, очень по-хозяйски осматривающего ее в полумраке комнаты.

От него исходила волна опасности, и, хотя между ним и

Ирри уже было все, что может быть между мужчиной и женщиной, она испугалась так, словно он – незнакомый совершенно, обманом проникший в ее спальню подонок, желающий изнасиловать ее.

Хотя, все это, пожалуй, было правдой. И даже то, что Верейт был незнакомым. Потому что она реально его не знала, оказывается!

– Ну? – нетерпеливо сказал Верейт, – лучше сама иди, сучка. Как ты мне надоела, кто бы знал! Все эти прыжки, букеты, улыбки! Надоело! Даже в постели с тобой не поиграешь, как следует! Дочь генерала же! Надо аккуратно! Тварь! Сюда иди!

– Подонок! Пошел вон! – срывающимся голосом крикнула Ирри, лихорадочно шаря по кровати.

– Не хочешь по-хорошему, значит? – покачал головой верейт, – ладно... Так даже интересней...

Он скользнул к ней неожиданно мягко и легко, настолько быстро, что Ирри даже не отследила момента нападения.

Только и успела глухо вскрикнуть от внезапности... И воткнуть в грудь насильника небольшой, но крайне острый кинжал, подарок отца на тринадцатилетие, как раз после того, как она стала девушкой...

Он подарил ей его со словами:

– У каждой порядочной девушки должен быть кинжал под подушкой. Пусть он тебе не пригодится.

Мама тогда, помнится, только губы сжала неодобритель-

но. Но ни слова поперек не сказала...

Верейт замер, лицо его исказилось от удивления и боли, а затем он оттолкнул замершую в ужасе Ирри, сел на кровати и... выдернул кинжал из груди!

Ирри вскрикнула, торопливо принялась отползать еще дальше... В полумраке комнаты Верейт казался ей чудовищем, ожившим мертвецом, которого невозможно убить!

Ее бывший жених опять качнулся к ней, пугая до обморока мертвым оскалом, а Ирри даже пошевелиться больше не могла, только смотрела, как он приближается, как его жуткие темные пальцы тянутся к ее горлу, слышала его хрип, невероятно страшный, мертвецкий хрип...

Она, наверно, так и умерла бы, не в силах пошевелиться, убежать от этого чудовища, если бы от раскрытого окна не скользнула к ним тонкая, практически неразличимая в полумраке фигурка, легко приникла сзади к Верейту, в свете луны блеснул узкий длинный кинжал, ослепив блеском драгоценных камней на рукояти...

И Верейт улыбнулся теперь еще жутче, потому что улыбки у него было две. Одна на лице, и одна – на горле...

Ирри едва успела выставить перед собой беспомощно руки, отталкивая начавшего заваливаться на нее Верейта.

С другой стороны его тяжеленное тело подхватили тонкие, но очень сильные руки, потянули в сторону...

И Верейт упал на пол. Чтобы теперь уже не подняться никогда.

А Ирри оторопело перевела взгляд с неопрятной груди под ногами на сестру, хмуро вытирающую клинок об одежду Верейта.

Рути, почувствовав ее взгляд, подняла голову, спрятала чистый уже клинок куда-то за пояс и прошептала:

– Ну, чего сидишь? Пошли уже...

4

– Ах ты, дрянь... – застонал крупноголовый блондин-офицер, едва удалось привести его в сознание, – я тебя... Я тебя...

Тут он сфокусировал взгляд на ком-то, находящемся позади Ирри, и она даже знала, на ком, глаза его расширились испуганно:

– Не подходи! Тварь! Степной ублюдок!

– Почему ублюдок? – удивленно пробасил голос одного из близнецов над макушкой Ирри, – я знаю своих отца и мать...

– Аа-а-а... – застонал офицер, опять роняя голову на пол. Ирри не успела придержать, и затылок глухо бумкнулся о деревянный настил. Но мужчине это, судя по всему, пошло на пользу, потому что он снова открыл глаза и вытаращился на нее, – ты... Кто это такие?

– Мы – Раст и Янг Белоголовые, тейп Белоголовых, – тут же отозвался близнец за её спиной, – а ты кто, собачье дерьмо?

– Да как вы смели? Да вас за это... – продолжил ругаться офицер, и Ирри, вздохнув, смочила тряпку в воде и приложила к его лбу. Ругань тут же перешла в долгий мучительный стон.

Ирри переключилась на второго, того самого брюнета с хищными глазами. Ему досталось меньше, чем его приятелю.

лям, или, может, просто вовремя сумел уклониться от ударов.

По крайней мере, к тому моменту, когда она принялась приводить офицеров в чувство, этот уже открыл глаза и встретил Ирри вполне осмысленным злобным взглядом.

Правда, когда увидел за её спиной степняков, опять закрыл веки, разумно решив притвориться бесчувственным. Ирри не стала развенчивать его игру, лежит себе тихо, пусть лежит. Не мешает, и хорошо.

Теперь этот офицер сидел, привалившись к стене и пытался аккуратно дышать. С угла губ у него стекала тонкая струйка крови, и Ирри очень беспокоилась по этому поводу, потому что вполне возможно внутреннее кровотечение. Судя по всему, железный кулак одного из степняков попал точнехонько в живот или в грудь бедолаги, так что все могло быть...

Ирри тихо приложила ладонь к его груди, пытаясь понять, не сломаны ли ребра, и в этот момент офицер внезапно ожил и дернул её за ладонь на себя.

Ирри настолько не ожидала такой прыти, что лишь охнуть изумленно успела и завалилась на него.

Перед глазами сверкнуло лезвие ножа, она зажмурилась, подумав, что как-то быстро все... И бесславно...

А в следующее мгновение уже летела обратно, вверх от хрипящего офицера, затем ее подкинули, устраивая на руках, и Ирри уже с высоты роста одного из близнецов наблю-

дала, как второй, рыча от ярости, методично лупил брюнета головой о пол, обеспечивая ему таким образом настоящее, а не наигранное помутнение рассудка.

Только теперь поняв, какой участи удалось избежать, Ирри начала мелко дрожать, все сильнее прижимаясь к горячей и твердой, словно камень, весь день пролежавший в степи под палящим солнцем, груди степняка.

Он, тихо и разгневанно сопя, неосознанно стискивал ее в своих объятиях, не отрывая горящего взгляда от наказания подлого брюнета. Чувствовалось, что ему всеми вибрациями тела хочется принять участие в этом наказании, но с Ирри на руках это было сделать затруднительно.

– Это он правильно делает... – глубокомысленно заявил откуда-то сбоку Дождик, поглаживая по плечу прижавшуюся к его груди Марушку, всхлипывающую от ужаса, – я бы вообще убил...

Ирри тут же пришла в себя, вздохнула глубоко и, хоть и не хотелось, принялась выкарабкиваться из ставших слишком уж крепкими рук степняка.

– Прекрати! – громко приказала она увлекшемуся второму близнецу, – ты его убьешь!

– Так он этого и хочет, Луна, – мирно пробасил тот, что держал ее, демонстративно не замечая рвения к свободе и только сжимая сильнее и крепче.

От его полуголой груди, скрытой лишь слабо запахнутой рубашкой, пахло чем-то горьким, острым, словно ковыль в

степи, волнующим и определенно приятным.

Это было более чем странным, учитывая, что степняки были явно с дальней дороги и вообще по жизни не особо утруждали себя мытьем... Но сейчас Ирри могла признаться себе, исключительно в голове, конечно же, что ей нравилось, как пахнет от ее спасителя.

Однако, времени на такие признания и размышления не было, потому что вот-вот могла случиться катастрофа!

– Его нельзя убивать! – опять попыталась воззвать к разуму хоть одного из мужчин Ирри.

– Почему? – хором спросили близнецы и присоединившийся к ним Дождик, и столько изумления, детского и непосредственного, было в их голосах, что Ирри только помолчала обескуражено, а затем ответила беспомощно:

– Он офицер...

– И что? Значит, ему можно обижать женщин?

Н-да, получалось как-то неправильно, и Ирри, словно поглупев разом от жара, исходящего от рук близнеца и его головокруглительно вкусного запаха, даже не смогла толком больше ничего придумать.

– Они отомстят... Это же армия... – все так же беспомощно ответила она, больше не пытаясь вырваться и смирившись с тем, что ее поймали и пока отпускать не собираются.

– Это мы отомстим... – мрачно сказал второй близнец, но все же оставил в покое бесчувственного брюнета, встал, показательно плюнув в сидящего и притворяющегося, что без

памяти, блондина.

Ирри не стала больше никак комментировать то, что происходило, отвернулась и обессиленно привалилась головой к груди держащего ее близнеца.

Стало как-то спокойно, причем, настолько, что в голове мелькнула даже соблазнительная мысль, что можно бы вообще ничего не решать... Вот так вот позволить мужчинам самостоятельно принимать решения, а самой побыть слабой... И думать только о том, о чем нужно думать женщинам: платье, туфли, меню на обед и ужин...

И тут же вздрогнула пугливо, потому что уже проходила это, и ни к чему хорошему такая попытка спрятаться от мира в маленькую, чистенькую, безопасную раковину не привела... Потому что раковина оказалась очень хрупкой и легко разлетелась в прах под подошвой армейского ботинка.

Нельзя прятаться от мира. Нельзя ни на кого надеяться. Кроме себя и сестры.

Ирри открыла глаза и посмотрела в лицо склонившегося к ней близнеца.

Верней, в лица.

Потому что второй, оставив своих жертв, тоже подошел близко, практически прижав ее к брату, и теперь смотрел, да так жадно, что стало еще горячее!

– Отпустите меня, – собрав все силы, заявила она громко, – ну!

Они постояли, подышали еще чуть-чуть, словно разду-

мывая, как поступить: послушаться или нет? Или, может, просто ее сжать покрепче, да так и утащить куда-нибудь, в укромное местечко? Не слушая возражений? Тем более, что уже по опыту знали, что возражения ее – ровно до первого горячего поцелуя...

5

Близнецы впервые появились в жизни Ирри еще до того, как она стала трактирщицей. И даже до того, как она поняла, какая тварь – ее жених...

Именно после встречи с ними, первой, самой неожиданной, и начали закрадываться в голову вполне благополучной и добропорядочной дочери генерала, умницы, красавицы, маминой радости, папиной надежды Иргерды Саввон, жуткие в своей пошлости и революционности мысли о том, что, может, как-то неправильно она выбрала себе мужа? Не того? Не так? Не туда смотрела?

Нет, близнецов, ни одного, ни второго, она в этом качестве не рассматривала, тут Матушка спасла ее рассудок, конечно.

Но некоторые реакции тела указывали, что кое в чем ее жених был недостаточно идеален... Верней, вообще не идеален...

И это пугало. Рушило такой стройный, такой правильно придуманный мир... Правда, еще сильнее пугало, что она собирается прожить всю жизнь и быть верной своему мужу... Которого совсем не любила, как выяснилось...

А как сладко было жить в иллюзиях!

Как приятно!

Иногда то ощущение бесконечного, довольного, сытого покоя преследовало Ирри по ночам. И она просыпалась с

криком ужаса.

Потому что прекрасно уже знала: ничего не бывает просто так. И такое спокойствие, такое идеальное знание своего будущего приведет лишь к тому, что боги посмеются над тобой вдоволь, однажды швырнув лицом в землю и заставив отплевываться от грязи и пыли...

Ирри не хотела такого больше, потому эти сны о прошлой жизни проходили у нее по категории кошмаров.

А вот сны, где она впервые встретилась с близнецами, по совершенно другой категории проходили...

Она тогда выехала утром на прогулку...

Как раз после злополучного приема, на котором ее младшую сестренку должны были представлять очередным женихам. Рути по этому поводу страшно обрадовалась и предсказуемо исчезла из дома с самого утра.

Ирри, до глубины души возмущенная поведением младшенькой, подкараулила ее вечером, уже когда все гости были в сборе, отругала, заставила переодеться и даже отвлекла маму, так не вовремя решившую проверить младшую дочку.

Мама пребывала в блаженном неведении относительно настоящих занятий Рутгерды, полностью удовлетвовавшись словами мужа о необходимости младшенькой помогать отцу. Каким образом генералу удалось усыпить бдительность своей жены, было для Ирри загадкой. Наверно, тут свою роль сыграл характер Рути, ее общая бедовость, и то, что у мамы для тренировки воспитательских навыков име-

лась еще одна дочь, правильная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.